Империи. Правило «закон обратного действия не имеет» было подтверждено в Указе о единонаследии от 23 марта 1714г.: «сей указ не на прошедшие времена, но с сего 1714г. действие имеет» [2, 614].

Необходимо отметить, что именно с этого периода времени начинается этап наиболее активного влияния на российское законодательство западной традиции права с её приоритетным положением личности. Все это дало толчок к новому осмыслению различных правовых вопросов, в том числе посвященных действию российских уголовных законов во времени. Необходимо отметить, что действующие в то время в России уголовное законодательство имело определенную систему: оно подразделялось на законы общие и особенные, по месту или по лицам. К числу законов общих относились Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. К числу законов особенных по месту относились Уголовное Уложение Великого Княжества Финляндского, Уголовный кодекс Царства Польского 1818 г., который был основан на австрийском Уложении 1803 г. Однако Указом от 13 сентября 1876 г. на Варшавский судебный округ распространено Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.

Особое место занимает Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., в котором четко были закреплены все известные принципы действия уголовного закона в пространстве и с 1857 г. - во времени (до 1857 г. вопросы действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных во времени регламентировались Указом «О применении Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.»)[4,864].

Многие правоведы обосновывали необходимость придания обратной силы более мягким уголовным законам. Такое законодательное утверждение положений, регулирующих вопросы применения и действия российского уголовного законодательства во времени, просуществовало до 1918 г., за исклю, ряда изменений, введенных Уголовным уложением 1903 г. [3, 580].

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 19.02.2018) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2018).
2. Гладких, В. И., Курчеев, В. С. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под общей редакцией д.ю.н., профессора В. И. Гладких. М.: Новосибирский государственный университет, 2015. 614 с.
3. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. В. П. Ревина. М.: Юстицинформ. 2016. 580 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник / Под ред. Ф. Р. Сундукова, И. А. Тарханова. М.: Статут, 2016. 864 с.
5. Чучаев, А. И. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / А. И. Чучаев, Т. Б. Басова, Е. В. Благов, Ю. В. Грачева. М.: Контракт, 2015. 704 с.

Коган М.Д.

Занятие высшего положения в преступной иерархии: некоторые проблемы применения ст.210.1. УК РФ

Центральный филиал ФГБОУ ВО "Российский государственный университет правосудия"
(Россия, Воронеж)

doi: 10.18411/lj-02-2020-118

idsp: ljjournal-02-2020-118

Аннотация

В статье рассматриваются изменения уголовного законодательства в части установления уголовной ответственности за занятие лицом высшего положения в преступной иерархии.

Ключевые слова: Организованная преступность, высшее положение в преступной иерархии, преступная иерархия.

Abstract

The article deals with changes in criminal legislation in terms of establishing criminal responsibility for the occupation of a person of the highest position in the criminal hierarchy.

Keywords: Organized crime, the highest position in the criminal hierarchy, criminal hierarchy.

Организованная преступность с точки зрения криминологии является одной из разновидностей противоправной деятельности. В нашем государстве 90-е годы XX в. были временем активной криминализации населения. У лиц занимающихся противоправной деятельностью появилась иерархия, специализация и собственные законы. Несмотря на то, что прошло достаточно много времени с тех пор, отголоски этих времен ощущаются в России и по сей день, хотя власть «воров в законе» значительно ослабела. В связи с этим борьба с организованной преступностью является одним из наиболее приоритетных направлений развития законодательной деятельности в нашей стране[2].

1 апреля 2019 года Президентом Российской Федерации подписан Федеральный закон "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности" №46-ФЗ. К моменту написания данной работы (октябрь 2019) в стране возбуждено 6 уголовных дел о преступлениях предусмотренных введенной данным законом ст. 210.1. УК РФ, предусматривающей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии. Такие сведения содержатся в материалах размещенных на официальном сайте ГАС "Правосудие". К сожалению, ни одно из этих дел не еще не было рассмотрено судами по существу и достоверной информации о содержании этих дел, признаках, по которым можно было бы сделать выводы о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии и т.д. в материалах ГАС "Правосудие" не содержится каких либо сведений по существу этих дел, все они находятся в стадии предварительного расследования и нет, да и не может быть в настоящее время каких либо разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросу применения рассматриваемой нами правовой нормы, так как для принятия явно необходимого постановления Пленума необходимо провести обобщение судебной практики, а таковой практики в настоящее время попросту нет.

Между тем в научном сообществе уже неоднократно отмечался целый ряд проблем, связанных с применением норм, предусматривающих ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ч.4 ст. 210, ст. 210.1 УК РФ). В качестве основной проблемы подавляющее большинство авторов указывает на вполне очевидный факт отсутствия законодательного определения содержания понятий "преступная иерархия" и "высшее положение в преступной иерархии", а также явную недостаточность действующего п. 24 Постановления Пленума Верховного суда РФ № 12 О Судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) [1,2,3]. Исходя из предположений, высказанных в юридической литературе, высшее положение в преступной иерархии занимают воры в законе, т.е. лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, которые доказывали свою верность преступным идеям, взаимосвязям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде[3]. Независимо от позиции, занимаемой авторами, изучающими данную проблематику, по отношению к применимости (неприменимости) на практике рассматриваемых нами правовых норм, мы просто обязаны согласиться с ними в том, что отсутствие установленных законом признаков, определяющих принадлежность лица к преступной иерархии вообще, высшего

положения в ней да и самой преступной иерархии не может способствовать ни успешному противодействию преступности, ни единообразному применению закона.

Более того, мы полагаем, что установленная законом прямая связь существования преступной иерархии с преступлением, предусмотренным ст. 210 УК РФ, а именно с участием лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии в деятельности преступных сообществ (преступных организаций) не способствует успешной борьбе с данной категорией преступников, так как указанные лица могут не иметь какого либо отношения к деятельности преступных сообществ (преступных организаций), являющихся таковыми по смыслу ч. 1 ст. 210 УК РФ. Иными словами мы вполне допускаем существование лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии, но не подпадающих под действие ст. 210.1. УК РФ. Ведь пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)" прямо определяет цель и направленность рассматриваемых нами норм, а именно цель "ужесточения уголовной ответственности за создание преступного сообщества (преступной организации) и руководство таким сообществом (такой организацией), за участие в преступном сообществе (преступной организации)". [4]. Именно поэтому мы предлагаем провести разделение понятий "преступное сообщество" и "преступная организация", признав за преступной организацией признаки ныне предусмотренные ч. 1 ст. 210 УК РФ а понятие "преступное сообщество" рассматривать в более широком смысле, как совокупность лиц, занимающихся совершением преступлений и обладающее определенной иерархической структурой, признаки которой необходимо установить на законодательном уровне, что, естественно требует проведения дополнительных исследований и широкой дискуссии среди специалистов. Одним из возможных путей решения данной проблемы мы видим дополнительную криминализацию профессиональных видов преступности, рассмотрение возможности возврата в уголовное законодательство ранее декриминализированных видов множественности преступлений (неоднократность, систематичность и т.д.), а также пересмотр отношения к понятию рецидива преступлений и отмене понятия особо опасный рецидивист. Ведь совершенно очевидно, что подавляющее большинство лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии имеют судимость и не одну, так как несудимый не может занимать такое положение в силу сложившихся в преступном мире традиций. Причем судимости эти связаны с определенными видами совершенных ими преступлений и поведением указанных лиц во время отбывания наказания.

Кроме того, мы видим еще одно противоречие в ст. 210.1 УК РФ. Мы полагаем, что ее применение не позволяет в полной мере достичь целей наказания, предусмотренных ст. 43 УК РФ. Если признать цель восстановления социальной справедливости достижимой в этом случае вполне возможно, то цель исправления осужденного представляется, по крайней мере, чрезвычайно трудно достижимой, так как лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии, как правило (а может быть и всегда - так как исследований не проводилось) имеют за плечами, как мы ранее уже отмечали судимость и не одну и ранее уже отбывали наказание в виде лишения свободы, то есть относятся к устойчивому типу преступников и надеяться на их массовое исправление было бы по меньшей мере наивно. А цель предупреждения совершения новых преступлений и вовсе является недостижимой. Ведь лицо к которому избрана мера пресечения в виде содержания под стражей и даже лицо, отбывающее наказание в виде лишения свободы, в том случае, если оно является лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, продолжает совершать указанное преступление, даже находясь в изоляции от общества, так как сама преступная иерархия в определенной мере распространяется и на контингент, находящийся в указанных условиях. Конечно следует учитывать особенности поведения этих лиц, налагаемые режимом, установленным в учреждениях

пенитенциарной системы, но следует учитывать и все несовершенство самой этой системы, в условиях которой лица, занимающие высшее положение в преступной иерархии не только могут демонстрировать его и занимать привилегированные позиции в учреждении пенитенциарной системы, но зачастую продолжают руководить преступными организациями и преступными сообществами при помощи технических средств связи. Поэтому мы полагаем необходимым провести разработку специальных мер, связанных с размещением лиц, обвиняемых в совершении кили осужденных за совершение преступления, предусмотренного ст. 210.1. УК РФ в учреждениях пенитенциарной системы в максимальной степени способствующих ограничению возможностей указанных лиц по использованию своего положения, а также разработку режимных условий, направленных на дискредитацию данных лиц в глазах преступного сообщества не нарушающих при этом конституционных прав гражданина свыше, чем это предусмотрено уголовно-исполнительным кодексом РФ.

1. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] Федеральный Закон от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 02.08.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.08.2019г.) // Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.09.2019).
2. Агильдин В. В., Ловцевич С. Е., Лохова А. А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации // Молодой ученый. — 2019. — №24. — С. 165-169. — URL <https://moluch.ru/archive/262/60577/> (дата обращения: 30.10.2019).
3. Годунов И.В. Организованная преступность от расцвета до заката. Учебное пособие для вузов. - М.: Акад. Проект, 2008. - 344 с.
4. Григорьев Д.А., Морозов В.И., Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика 4 (30) 2014. - С.50.
5. Семенов В.Р., Гришин Н.С. Лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, как субъект преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ // Закон и право. 2019. №8. С. 75-76.
6. Пояснительная записка к проекту федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части противодействия организованной преступности)" // СПС "КонсультантПлюс" URL <https://http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=321411&fld=134&dst=100034,0&rnd=0.7088632115058722#010631856183375432> / (дата обращения: 30.10.2019).

Куява Т.Ю.

Недопустимость одностороннего отказа от исполнения обязательства

*Юридическая школа ДВФУ
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-02-2020-119

idsp: ljjournal-02-2020-119

Аннотация

Статья содержит анализ реформ обязательственного права, произошедших в виду введения Федерального закона от 08.03 2015 г. № 42-ФЗ. Автором проводится оценка изменений ст. 310 Гражданского кодекса РФ, изучается судебная практика до и после изменений данной статьи, выявлены проблемы, существующие в настоящий момент на практике.

Ключевые слова: недопустимость одностороннего отказа, плата за односторонний отказ

Abstract

The article contains an analysis of the obligations law reforms that took place in view of the introduction of Federal Law dated 08.03.2015 N 42-FZ. The author assesses the changes in Art. 310 of the Civil Code of the Russian Federation, judicial practice is studied before and after changes to this article, problems that currently exist in practice are identified.

Keywords: unacceptability of unilateral refusal, payment for unilateral refusal